

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-841-859
УДК [811.161.1:811.512:2]'373

Научная статья / Research article

Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале паремий русского и телеутского языков)

Э.С. Денисова¹, А.В. Проскурина

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, Российская Федерация, 650000

¹elvdenisova@yandex.ru

В настоящей статье предпринята попытка развить идеи российского лингвиста Г.П. Мельникова о детерминантах языковой системы в свете его учения о динамической природе языка. Предлагаемое исследование посвящено обоснованию своеобразия лексических ресурсов разноструктурных языков с опорой на их внутреннюю форму. Актуальность данной работы определяется, во-первых, возросшим интересом со стороны ученых к сопоставительному изучению взаимодействующих на одной территории языков в условиях сохранения их национальной и культурной самобытности, во-вторых, недостаточной изученностью лингвистических особенностей малых фольклорных жанров телеутского народа, в-третьих, научно востребованной тенденцией к экспланаторности изысканий в сфере современной лингвистики, обращенной к человеку и окружающему его миру. Авторами ставится цель изучить типичные коммуникативно релевантные способы отображения внеязыковой действительности, которые детерминируют лексический состав русского и телеутского языков. Для достижения обозначенной цели в работе были использованы методы выборки материала (данные из словарей, через опрос и анкетирование информантов), описания, сопоставления, эксперимента, а также приемы лингвокультурологического и статистического анализа. Материалом исследования послужили пословицы, приметы, загадки, фразеологизмы, рассматриваемые как элементы духовной культуры русского и телеутского этносов. Выявленные через анализ лексических универсалий коммуникативные ракурсы осмысления культурно значимых реалий позволяют охарактеризовать национальную картину мира русского и телеутского народов. Проведенное исследование доказало, что полученные в ходе анализа типичные и уникальные способы кодирования сохранившейся в глубинах народной памяти информации детерминируют лексическое своеобразие сопоставляемых языков. Таким образом, изучение паремиологического фонда русского и телеутского языков с опорой на категорию внутренней формы позволило авторам вскрыть механизм происходящих между ними лингвокультурных процессов.

Ключевые слова: внутренняя форма языка, детерминанта, лексические ресурсы, картина мира, языковая картина мира, языковая универсалия, паремии, пословицы, приметы, загадки, фразеологизмы

© Денисова Э.С., Проскурина А.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Информация о вкладе каждого автора:

Э.С. Денисова — концепция исследования, сбор и обработка материала (приметы, фразеологизмы), написание текста, А.В. Проскурина — концепция исследования, сбор и обработка материала (пословицы, загадки, фразеологизмы), написание текста, М.Н. Якучакова-Тарасова, Р.Д. Шадеева — перевод с телеутского языка на русский.

Благодарность:

Исследование выполнено в рамках проекта 17-04-00253-ОГН/18 «Язык и культура телеутов», поддержанного Грантом РГНФ/РФФИ.

Авторы выражают искреннюю благодарность М.Н. Якучаковой-Тарасовой, учителю телеутского языка в основной общеобразовательной школе с. Беково, и Р.Д. Шадеевой, жительнице с. Беково, за оказанную помощь в написании статьи.

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.10.2019

Для цитирования:

Денисова Э.С., Проскурина А.В. Внутренняя форма языка как детерминанта его лексического своеобразия (на материале паремий русского и телеутского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 841—859. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-841-859

UDK [811.161.1:811.512:2]373

Inner Language Form as a Determinant of its Lexical Peculiarity (based on the Study Material of the Russian and the Teleut Languages Proverbia)

Elvira S. Denisova¹, Anastasia V. Proskurina

Kemerovo State University

Krasnaya Str., 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000

¹elvdenisova@yandex.ru

In the present article we make an effort to develop the ideas of the Russian linguist G.P. Melnikov about the determinants of the language system in the context of his study about the dynamic language nature. The article is devoted to argumentation of peculiarity of multi-structural languages lexical recourses based on their inner form. Significance of the present article is determined, at first, by increased interest from scientists to comparative study of the languages used within one territory in conditions of preservation of their national and cultural originality; second, by insufficient information about linguistic peculiarities of short folklore genre of the Teleut people; third, by scientific relevant tendency to explanatoriness of surveys in the sphere of modern linguistics that is directed to human beings and the world around them. The goal of the authors is to research typical communicatively relevant ways to reflect extralinguistic reality that determine vocabulary of the Russian and Teleut languages. To achieve the stated goal the authors use in the present article data-fetching methods (data from dictionaries, via informants interviewing and questionnaire), descriptions, comparisons, experiments as well as the methods of linguoculturological and statistic analyses. The material for this study is based on proverbs, superstitions, riddles, idioms that are regarded as the elements of the Russian and Teleut people spiritual culture. Communicative aspects of culturally

significant facts comprehension identified through lexical universals analyses allow us to define the national world-image of the Russian and Teleut people. The conducted research proved that received during the analyses typical and unique coding methods of the information preserved in the depths of national memory determine lexical originality of compared languages. As a result, the study of paroemiological fund of the Russian and Teleut language that is based on the inner form category allowed the authors of the present article to reveal the mechanism of linguoculturological processes happening between them.

Key words: inner language form, determinant, lexical resources, world image, linguistic world image, language universals, paroemia, proverbs, superstitious beliefs, riddles, idioms

Information about the contribution of each author:

E.S. Denisova — the concept of research, the collection and processing of material (signs, phraseologisms), writing text, A.V. Proskurina — the concept of research, the collection and processing of material (proverbs, puzzles, phraseological units), writing a text, M.N. Yakuchakova-Tarasova, R.D. Shadeeva — translation from Teleut into Russian.

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-04-00253-ОГН/18 «Teleut language and culture».

The authors are sincerely grateful to M.N. Yakuchakova-Tarasova, teacher of the Teleut language in the main secondary school in Bekovo, and R.D. Shadeeva, a resident of Bekovo (village), for the help in writing the article.

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Denisova, E.S. & Proskurina, A.V. (2019). Inner Language Form as a Determinant of its Lexical Peculiarity (based on the Study Material of the Russian and the Teleut Languages Paroemia). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 841—859. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-841-859

Введение

В научном мире общепризнанным является подход к языку как своеобразному способу формирования и хранения национальной культуры (см., например, [1]). Специфика разноуровневой организации языков обнаруживается в их внутренней форме, которую целесообразно рассматривать в качестве детерминанты содержания плана [2].

Понятие «внутренняя форма» первоначальное осмысление получило в трудах В. фон Гумбольдта [3], И.А Бодуэна де Куртенэ [4], А.А. Потебни [5]. В XX веке в рамках системной лингвистики, у истоков которой находится ведущий российский языковед Г.П. Мельников, внутренней форме уделяется пристальное внимание в силу присущего ей объяснительного потенциала.

В работах Г.П. Мельникова, последовательно развивающего принципы системной лингвистики, реализуется установка на объяснение языкового механизма, типологического устройства языка, посредством обращения к понятиям внутренней и внешней детерминанты. Геннадий Прокопьевич, определяя в качестве «важнейшей функции языка функцию быть средством формирования и под-

держания единства социального сознания» [2. С. 121], рассматривает язык как коммуникативную адаптивную систему, отвечающую запросам его носителей. «Исходным положением для системной лингвистики является не просто признание системности языка как социального явления, а утверждение, что язык входит в класс адаптивных (самонастраивающихся) и, следовательно, динамических систем» [6].

Следует отметить, что коммуникативный статус языка, будучи его внешней детерминантой, зависит от «условий жизни и деятельности социума» [2. С. 96]. В то же время отношения между языковыми единицами на всех уровнях определяются коммуникативным ракурсом — способом изображения внеязыковой действительности, соотносимым с внутренней формой языка: «...Типологическое своеобразие языков зависит прежде всего от того, через схему какого целостного образа старается носитель языка намекнуть собеседнику на замысел своего высказывания, то есть какова схема номинативного смысла типичного высказывания на данном языке» [6].

На наш взгляд, внутренняя форма языка задает его содержательный план, который высвечивает особенности мировосприятия, типичные для отдельного языкового коллектива. Этот код зависит от типологического устройства языка. Через внутреннюю форму языка обнаруживается его знаковая природа: способность языковых единиц разных уровней, включая лексический, кодировать культурно обусловленную информацию.

В контексте возросшего интереса со стороны ученых к изучению в сопоставительном аспекте контактирующих в одном социокультурном пространстве языков актуальными становятся исследования, посвященные проблемам сохранения их национальной и культурной самобытности, межэтнического взаимодействия, поиска путей эффективной межкультурной коммуникации. Так, в работах [7—11], выполненных на материале телеутского и русского языков, представлено описание фрагментов языковой картины мира их носителей, выявлены национально обусловленные особенности мышления, образа жизни, характерные черты материальной и духовной культуры. Особое внимание уделяется проблемам эффективно обучения коренных малочисленных народов России русскому языку [12].

Актуальность выбранной темы объясняется и тем, что в современной лингвистической литературе изучение и описание малых фольклорных жанров телеутского языка практически не представлено. Однако стоит отметить, что описание лексического культурного фонда телеутов вызывает научный интерес не только у лингвистов, но и у социологов, этнологов, историков — как дополнительный источник знаний о лингвокультурной и социокультурной динамике этноса и его перспективах. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко в статье, посвященной анализу пословиц русинского языка на фоне русской и украинской паремиологии, подчеркивают: «При сравнительно-сопоставительном анализе паремиологического материала важную роль играет определение культурологической информации. Несмотря на внешнее различие мотивационной зоны паремии, денотативная зона может совпадать, что позволяет делать вывод о типологическом сходстве пословичного материала» [13. С. 121], обладающего познавательным потенциалом.

В рамках настоящей статьи мы ставим **цель** рассмотреть типичные коммуникативно востребованные способы отображения внеязыковой действительности, которые детерминируют лексический состав русского и телеутского языков.

Материалом исследования послужили тексты малых фольклорных жанров (пословицы, приметы, фразеологизмы, загадки) телеутского и русского языков, описанные в научной литературе и печатных изданиях, а также полевой материал авторов (ПМА), собранный в ходе экспедиций 2017—2019 гг. в село Беково и микрорайон Телеут (Кемеровская область). Исходным для сопоставительного анализа является русский язык, так как русское народное творчество, по сравнению с телеутским, имеет относительно полную письменную фиксацию.

Исследование единиц паремийного фонда как «элементов духовной культуры этноса» позволяет «реконструировать традиционную «картину мира» жителей определенной территории» [14. С. 15—16]. Следовательно, можно предположить, что, будучи языковыми (лексическими) универсалиями, выбранные для анализа единицы представляют собой типичные высказывания, смысловое наполнение которых обусловлено условиями общения в языковом коллективе, сложившимся в результате комплекса исторических, географических и психологических причин.

В качестве **методов исследования** были использованы метод выборки материала (данные из лексикографических источников, опрос, интервью), описания, сопоставления, эксперимента, а также элементы лингвокультурологического и статистического анализа.

Анализ лексических универсалий русского и телеутского языков

Пословицы как особая разновидность паремий охватывают «обширную область оценок и суждений, как жить, как воспитывать детей, как чтить предков, мысли о необходимости следовать их заветам и примерам, житейские правила поведения» [15. С. 14]. По определению В.И. Даля, пословица — «краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора; пословица есть собь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа» [16. С. 334]. Именно пословицы, будучи поучительными высказываниями, выражают глубокое ценностное отношение народа к жизни, способны регулировать поведение людей в разных ситуациях общения. Получается, что содержательный план пословичных высказываний составляют ценностные ориентации, как универсальные, так и национально обусловленные.

Пословичный фонд русского языка отличается тематическим разнообразием [17]. В нем представлены пословицы о родине, о любви к ней ((1) *Родимая сторона — мать, а чужая — мачеха*; (2) *Глупа та птица, которой гнездо свое не мило* [15. С. 327]), об историческом прошлом ((1) *Пусто, словно Мамай прошел*; (2) *Каков хан, такова и орда* [15. С. 328]), о вере и религии ((1) *Гром не грянет, мужик не перекрестится*; (2) *Избу ставят, Бога славят* [15. С. 333]), о значимости обучения и роли языка ((1) *Ученье — свет, а неученье — тьма*; (2) *Кто грамоте горазд, тому не пропасть*; (3) *Сытое брюхо к ученью глухо* [15]), о взаимоотношениях родителей и детей ((1) *Детей наказывай стыдом, а не грозой и бичом*;

(2) *Малы детушки — что часты звездочки: и светят, и радуют в темную ночь* [15. С. 340]), о семье ((1) *Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет*; (2) *Любовь да совет, так и нуждочки нет* [15. С. 342]), о душевных качествах, умениях и чувствах ((1) *Злой человек как уголь: если не жжет, то чернит*; (2) *И на доброго коня бывает спотычка* [15. С. 343]) и мн. др. Каждая из пословиц аккумулирует накопленный тысячелетиями познавательный опыт русского народа. «Пословицы выступают как формы реагирования на обстоятельства жизни. Пословица запечатлена в памяти человека как народная мудрость, освещенная традицией и усвоенная, как правило, с детства» [18. С. 65].

Пословичные высказывания, будучи универсальными и в то же время национально маркированными единицами, занимают существенное место в традиционной культуре коренных малочисленных народов, определяя своеобразие лексического наполнения их родного языка и особенности мировосприятия его носителей. Пословичный фонд телеутского языка позволяет реконструировать систему ценностей и знаний о мире, отражающую этническое самосознание народа. Следует отметить, что «историческими и культурными детерминантами этнического самосознания выступают историческое прошлое и традиции телеутов, их сложившиеся обычаи и нормы поведения, предания, зафиксированные в фольклоре» [18. С. 66]. Поэтому, как подчеркивает В.М. Кимеев, «традиционная культура телеутов носит синкретичный характер» [19. С. 58], проявляющийся, с одной стороны, в многожанровости их фольклора (мифы, предания, легенды, сказки, песни, колядки, пословицы, заговоры, благопожелания, загадки, скороговорки) [20. С. 271—272], а с другой стороны — в концептуально-тематическом своеобразии каждого из указанных жанров.

Пословичный репертуар телеутского этноса прежде всего позволяет вскрыть систему ценностей, которая детерминирует образ жизни и поведение отдельных его представителей в ситуациях повседневного и ритуального общения. Как отмечают телеуты, самое главное в жизни человека — семья, поэтому содержание большого количества пословиц связано с семейными ценностями, правилами поведения между мужем и женой, родителями и детьми, людьми старшего и младшего поколений:

- (1) *Қыс пала энеге полушчы, уул — абазына полушчы* (рус. Девочка — матери помощница. Мальчик — отцу помощник)¹;
- (2) *Абазы жоқто уул паишақ, энези жоқто қыс паишақ* (рус. Если нет отца, то сын — шалун, если нет матери, то дочь — шалунья);
- (3) *Јан кижиди толорго керек. Күчүге аба пол* (рус. Старших тебя почитай. Младшим тебя как отец будь);
- (4) *Қалаш мажақта, пала күчүде* (рус. Хлеб — в колосе, ребенок — в детстве);
- (5) *Јанды узага керек, јашты үредеге керек* (рус. Слова старших нужно слушать. Молодых надо учить) и др. (ПМА).

¹ В скобках, после контекстов на телеутском языке, дается их буквальный перевод на русский язык.

Среди пословиц телеутского языка можно выделить пословицы, в которых провозглашаются не только семейные ценности, но и общие социальные нормы поведения, ставшие уже традиционными и приемлемыми в условиях современной жизни:

- (1) *Қумағы жоқ — су жоқ, қудайы жоқ — қалық жоқ* (рус. Нет воды без песка, нет народа без Бога);
- (2) *Элгези жоқ — айақ кигиши жоқ, жұртты (туулған јер) жоқ — кижши жоқ* (рус. Без выкройки не бывает обуви. Без рода не бывает человека);
- (3) *Јаманаң қач, јақшыға јанажа пол* (рус. От плохого убегай, с хорошим рядом будь);
- (4) *Көзиң пар — көр, қолуң пар — иште* (рус. Глаза есть — смотри, учись. Руки есть — работай);
- (5) *Қурзақ јизең меңдебе. Малға (атқа) отурзаң — турба* (рус. Пока ешь — не топись. Сядешь на лошадь — не останавливайся) и др. (ПМА).

Мы видим, что пословичные высказывания в русской и телеутской лингвокультурах, с одной стороны, обнаруживают общую востребованность в коммуникативной деятельности русских и телеутов, но, с другой стороны, демонстрируют явные отличия в содержательном плане.

К фольклорным текстам относятся и народные приметы. Традиционно под приметой понимают малый фольклорный жанр, «раскрывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями» [21. С. 188]. Примету следует отличать от суеверия, возникающего на основе веры человека в приметы: «С течением времени некоторые приметы, являющиеся объективными по отношению к окружающему миру, трансформируются в ограниченные, ничем не обоснованные суеверия-предрассудки» [22. С. 262]. Приведем примеры суеверий из телеутского и русского языка:

- (1) *Ийт ойногон, қуйбырған јерге пазага керек жоқ (јарабас)* (рус. На место, где собака крутилась, наступать нельзя);
- (2) *Көзнөккө қурзақ салбайалар* (рус. На подоконник еду не кладут);
- (3) *Эмчек паллады кижсе көргиснейтен тир јашқа јетире* (рус. Грудного ребенка людям до года не показывали) (ПМА);
- (4) *Беременным нельзя стричь волосы;*
- (5) *Нельзя здороваться через порог;*
- (6) *Вещи с кладбища забирать нельзя* (примеры (4)—(6) взяты из работы [23. С. 147; С. 149; С. 157]).

В нашем исследовании мы также отграничиваем приметы-суеверия от примет-наблюдений: первые научно не обоснованы, не имеют логического объяснения, вторые в основном объясняются совпадениями и случайностями. В собранном материале к приметам-наблюдениям относятся телеутские паремии, связанные со сновидческой реальностью:

- (1) *Түјсиңде көрзең јазанқойгон қат кижиди — јаманға* (рус. Во сне видел нарядную женщину — к плохому);
- (2) *Өлгөн кижши түјсиңде күлүнзе — јаманға, сөксө — јақшыға* (рус. Если умерший во сне улыбается — к плохому, ругается — к хорошему);

- (3) *Тўжиңде көрзең телеут қат кижі — јаманға, қазақ қат кижі — јақшыға* (рус. Если во сне приснится телеутская женщина — это к плохому, если русская женщина — к хорошему) (ПМА).

Для русской культуры сновидения-приметы менее характерны, но также, как и в телеутской, связаны с бытовой сферой, ср.:

- (1) *Кошка снится — к слезам;*
(2) *Кошка снится — к мелким ворам* [23. С. 59].

В целом, и телеутские, и русские приметы согласно тематическому принципу можно распределить на 3 кластера: 1) «природные приметы, которые, как правило, имеют научное обоснование, связанное с законами природы»; 2) «бытовые приметы, которые в отличие от природных примет, характеризуются необоснованностью в естественно-научном смысле»; 3) «календарные приметы, которые закреплены за каким-то определенным временем и не действуют в другие дни» [24. С. 107—108]. Подобная тематико-идеографическая классификация примет дает возможность увидеть, «какие ценности являются наиболее важными для человека, воссоздают фрагменты этноязыковой картины мира» [25. С. 3].

При сборе примет телеутского языка мы использовали методику психолингвистического эксперимента, целью которого была актуализация (восстановление) в долговременной памяти телеутов культурных единиц, характерных для их исторического прошлого. В качестве информантов выступили билингвы, носители русского и телеутского языков. Опрос информантов проходил по схеме $S \rightarrow R$, где в качестве S (стимула) выступала примета русского языка, а R (реакция информанта) представляла собой аналог приметы в телеутском языке или примету телеутского языка, аналог которой отсутствует в русском языке. Было опрошено 15 информантов, в возрасте от 47 до 67 лет, собрано 104 приметы, классифицированные нами как бытовые — 54 единицы, метеорологические (природные) — 32 единицы, календарные — 4 единицы, сновидческие — 4 единицы, суеверия — 10 единиц.

Бытовые приметы занимают первое место по частотности употребления как в русской, так и в телеутской культуре, ср.:

- (1) *Ўйдең эртен чықсаң: эр кижі учрашса — јақшыға, қат кижі — нурул үйге* (рус. Из дома утром выйдешь: встретишь мужчину — к удачному дню, женщину — возвращайся домой);
(2) *Сол алақан қычыза — ақчаға, оң — учражаға* (рус. Левая ладонь чешется — деньгам, правая — встрече);
(3) *Эмчекте қадайбеди — өлгөнге* (рус. В груди (женской) закололо — к покойнику) (ПМА).

Доминирование бытовых примет над другими видами вполне объяснимо: именно они «способны репрезентовать специфику быта и культуры народа в полной мере» [23. С. 134].

Большинство собранных телеутских примет идентичны русским, поскольку моделируют одинаковые бытовые ситуации, ср.:

- (1) *Пуу жылда јаңы угыбалзаң қууқты, септе ақча ползо — жыл полор пайлу* (рус. В первый раз услышал кукушку в году, и в кармане есть деньги — будет год

- богатым) — *Если кто, весною, в первый раз, услышит кукование кукушки при деньгах, — тот будет целый год при деньгах* [26. С. 154];
- (2) *Саңысқан қарғанжит, жамаң қабар акелжит* (рус. Сорока стрекочет, плохую весть несет) (ПМА) — *Если вблизи дома часто и подолгу кричит сорока — умрет кто-то из домашних* [23. С. 135];
- (3) *Если гроб длинный, то ко второму покойнику* (ПМА) — *Если гроб не в меру велик — быть в доме еще одному покойнику* [Там же. С. 148];
- (4) *Ийт улуганда — жаманга* (рус. Собака воет — к плохому) (ПМА) — *Собака воет на дворе — к беде* [26. С. 115].

Однако стоит обратить внимание и на существенные отличия. Например, в телеутской культуре не существует ритуала отмены приметы (характерного для русской культуры), что связано с реализацией значимого принципа гостеприимства, ср.:

Шабала түйсе — қат кижі кирер, сайғы, пычақ — әр кижиге (рус. Ложка упадет — придет женщина, вилка, нож — мужчина).

Не принято стучать столовым прибором три раза по полу, телеуты рады гостям, ждут их (ПМА) — *Если нож упадет, нужно постучать об пол. Это у меня примета такая — если нож упадет, а я не «обстучу» — значит, притащится сосед* [23. С. 140].

Метеорологические приметы находятся на втором месте по частотности употребления. Собранные в ходе эксперимента единицы наиболее ярко демонстрируют антропоцентризм языковой картины мира телеутов: погода как важное природное явление оказывает влияние на разнообразные аспекты их жизнедеятельности, что отражается в языке, в частности, в его паремиологическом фонде. В ходе анализа полученных данных мы пришли к следующим выводам:

1. Телеуты как жители сельской местности проявляют повышенное внимание к природе, поэтому в исторической памяти народа сохранилось немало различных погодных суеверий и примет, ср.:

- (1) *Түдин чықанда өрө — сууққа, төмөн түшкенде — жулуға* (рус. Дым идет вверх — к холодам, вниз — к теплу);
- (2) *Күн қызарып отыржит — жақшы күнге* (рус. Солнце садится и красное зарево — к хорошему дню);
- (3) *Жамғырдаң сууда құқ ползо — жамғыр пир ле күн полбос* (рус. Дождь образует пузыри в воде — то дождь будет лить не один день);
- (4) *Эртен туман ползо — жақшы күнге* (рус. Утром туман — будет хорошая погода) (ПМА).

Приведенным выше телеутским приметам можно найти аналог среди паремийного фонда русской лингвокультуры, например, среди зимних и летних примет, зафиксированных в календаре-месяцеслове [27. С. 13; С. 42].

2. В большинстве телеутских и русских примет в качестве ключевых слов фигурируют номинации животных, птиц, насекомых, повадки которых помогают предсказать изменения погоды:

- (1) *Қызынқа тумчығын жажыржит — сууққа* (рус. Если кошка прячет нос — к холодам) (ПМА) — *Кошка в клубок — мороз на пороге*;

- (2) *Ийт тоглонгондо — салкынга* (рус. Собака спиной на земле ворочается — к ветру (непогоде)) (ПМА) — *Собака катается по траве — к ветру, по снегу — к метели, или на оттепель*;
- (3) *Қудай қужсы төмөн угса — жамгырға* (рус. Ласточки низко летают — к дождю) — *Ласточки летают над самой землей — к дождю*;
- (4) *Күзүрүмдер қайнажабеди — жамгырға* (рус. Муравьи засуетились — к дождю) (ПМА) — *Муравьи прячутся в гнезда — к грозе*

(примеры русских паремий (1)—(3) взяты из словаря примет [26. С. 102; С. 115; С. 157; С. 196]).

3. В структуре примет активно используются опорные слова-символы культуры телеутов — береза [9. С. 286] и конь/лошадь [7. С. 295], ср.:

- (1) *Определить, какая будет зима, можно по березе. Если осенью береза стоит голая, то зима будет холодная. Если осенью береза стоит с листочками, значит, зима будет теплая*;
- (2) *Малдар қыйғыпјалар, айақнаң қақјалар — сууққа* (рус. Лошади фыркают, бьют копытом — к холоду) (ПМА).

5. Приметы раскрывают языковую картину мира телеутов через обращение к кочевому образу жизни, характерному для их исторического прошлого, ср.: *Раньше люди (телеуты) ходили по полям. Поэтому и возникла эта примета, если выпить из родника (свежего, который только недавно забил ключом), то будешь долгожителем* (примета, известная информанту от бабушки) (ПМА). Как правило, подобного рода приметы построены по принципу предания, известны со слов «старших».

В отличие от бытовых и метеорологических, календарные приметы меньше всего используются в речевой практике носителей русского и телеутского языков. Однако и между ними можно найти соответствия в сравниваемых лингвокультурах. Продемонстрируем этот тезис на примере анализа паремийного материала, взятого нами из раздела «Народные приметы» газеты «Телеутская земля» [28] и русского календаря-месяцеслова [27]. Описание примет строится в нашей работе по следующему принципу: примета, содержащая метеоним, в русской культуре — примета, содержащая аналогичный метеоним, в телеутской культуре — дословный перевод телеутской приметы на русский язык.

- (1) *1 декабря — день Платона и Романа. Зимоуказатель: каков день случается — такова и зима* [28. С. 54]. *1 күс қуйрығы айда қанди күн ползо — анди қыш полор. Күн јулу ползо — қыш јулу полор. Сууқ ползо — сууқ полор* [28. С. 9] (рус. 1 декабря. День теплый будет — зима теплая будет. Холодно будет — тогда и зимой холодно будет).
- (2) *1 января. Если ночь на Новый год звездная — быть по лету большому урожаю ягод. Каков первый день января, таков и первый день лета* [27. С. 6]. *1 чаган айда Јаңы јылда тјунде теңреде јылдыс ползо — јайғыда көп јилек полор* [28. С. 9] (рус. 1 января. В Новый год ночью в небе звезда будет — летом много ягод будет).
- (3) *19 декабря — Никола зимний. Сколько Никола зимний даст снегу, столько Никола весенний даст травы* [27. С. 58]. *19 күс қуйрығы айда — қышқы Миколо. Қанча қышқы Миколо қар перзе — анча јасқы Миколо јажыл өлөн перер* [28. С. 9] (рус. 19 декабря. Сколько зимний Миколо снега даст — столько весенний Миколо даст зеленой травы).

- (4) *23 января — Григорий-летоуказатель. Иней на деревьях и стогах — к мокрому и холодному лету* [27. С. 8]. *23 чаган айда агаитарда, үүндерде куру ползо — суук, жамгырлу жай полор* [28. С. 9] (рус. На деревьях, стогах иней будет — холодное, дождливое лето будет).
- (5) *25 января — Татьянин день. Если проглянет солнышко, то к раннему прилету птиц; если снег, то лето дождливое* [27. С. 8]. *25 чаган айда күн көрзө — куштар эрте учуп келер, қар ползо — жамгырлу жай полор* [28. С. 9] (рус. 25 января. Если появится солнце — птицы рано прилетят, будет снег — будет лето с дождем).

Таким образом, раскрытие роли приметы как культурно обусловленной лексической универсалии в формировании национальной картины мира, сбор и сопоставительное изучение примет и суеверий русской и телеутской лингвокультур позволяют не только реконструировать традиционную картину мира изучаемых народов, но и обнаружить «точки» их взаимодействия.

В паремиологической системе русского и телеутского языков особая роль отводится загадкам, возникновение которых связано «с традицией условного наименования предметов, идущей от тайной речи древности» [15. С. 733]. Загадка представляет собой «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [17. С. 56]. Следовательно, загадывание какого-либо предмета на основе свойств или функций вскрывает культурно значимые ракурсы его осмысления через «соединение предметов, их взаимодействие, соотношение» [29. С. 22]. «Загадкой утверждается бытие предмета, и все загадки в их комплексе дают как бы цикл мирозидения» [29. С. 49]. Поэтому целесообразно говорить о миромоделирующей функции загадок как паремиологических единиц, коммуникативное назначение которых заключается в представлении загадываемой реалии «в зашифрованном, уводящем в сторону виде» [30. С. 110].

Загадка, будучи типичным коммуникативно ориентированным высказыванием о сущности предметно-вещественного мира, его закономерностях, особенностях устройства, «является как бы концентрированным изложением основ традиционного мировосприятия» [31. С. 49]. Система загадок в русском и телеутском языках показывает значимость для их носителей реалий жизни, связанных с человеком, его повседневной и профессиональной деятельностью. Прежде всего загадывается то, что окружает людей, влияет на их поведение и образ жизни. Поэтому в тематическом плане наблюдается разнообразие данных паремий на основе их соотнесенности с определенным фрагментом мира. В обоих языках обнаруживаются загадки о человеке ((1) *За стеной костяной, соловейко, спой!* (язык) [15. С. 734] и (2) *Сдобной калаш столдо полбогон, түгезе кижилер југен* (кижиный эмчек) (рус. Сдобный калач, который на столе не лежит, а его все люди едят (женская грудь) [31. С. 121]), о его жилище ((1) *Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мучка, в мучке жучка* (изба, печь, зола, жар) [15. С. 736] и (2) *Ани — тепселү јер, мини — тепселү јер, ортозында — темир чылап, јалтрақ јер* (позого) (рус. Туда — истоптанное место, сюда — истоптанное место, посередине — словно железо, гладкое место (порог) [31. С. 120]), о предметах быта ((1) *Не бык, а бодает,*

не ест, а еду хватает, что схватит, отдаст, сам в угол идет (ухват) [15. С. 739] и (2) *Јус көстү, пойы сыгыр, талқаннаң көсти сейқойды* (сиит) (рус. Сотни глаз, а сам слепой, засорил глаза мукой (решето) [31. С. 122]), о животных и птицах ((1) *Не пахарь, не столяр, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник* (лошадь) [15. С. 742] и (2) *Қыр ағашқа қар жүқпайт* (ўйдин мўўзи) (рус. На кривом дереве снег не держится (рога коровы) [31. С. 121]), о явлениях природы ((1) *На дворе горой, а в избе водой* (снег) [15. С. 757] и (2) *Қара пашту қарғалар қайың пажында отурјалар* (пулуттар) (рус. Черноголовые вороны на вершине березы сидят (тучи) [31. С.120]) и мн. др.

Мы видим, что содержание загадок и предметная соотнесенность их отгадок выявляют общий набор загадываемых реалий в сопоставляемых нами языках. Так, и в русской, и в телеутской культурах конь, как уже отмечалось, является особо почитаемым животным, которое ценится за счет своих природных качеств. Русская загадка (1) *Две прямых, одна кривая, посередочке — живая* (отгадка — лошадь, дуга, оглобля) «указывает на значимую роль лошади в бытовой деятельности крестьянина» [29. С. 367]. В телеутской загадке (1) *Ары јаны камыш, пери јаны көрөң* (малдың јалы, куйруғы) (рус. С той стороны — камыш, с той стороны — осока (отгадка — грива, хвост коня) [31. С. 125]) отражено восприятие лошади в аспекте ее отличительных признаков. Примечательно, что образ коня организует смысловое наполнение телеутской загадки о шумовке для пельменей, которые телеуты предпочитают изготавливать из мяса этого домашнего животного ((1) *Јус ат сууға тўити, Јүрелдей абышқа эже тўити* (пельмен калбуш) (рус. Сто коней в воду упали, старик Јүрелдей следом за ними спустился (шумовка для пельменей) [31. С.125]). В то время как в сознании русского народа пельмени соотносятся с образами овцы ((1) *На калиновом мосточке лежали овечки, огонь увидали и в воду упали*) и гуся ((2) *Летели гусельцы по липовым мостянкам, увидали зарю — побросались в воду* [29. С. 162]). Подобные примеры свидетельствуют о наличии универсальных способов представления мира носителями разных языков, среди которых преобладает повествование: «Чаще предмет определяется трудовым опытом человека, прикосновением, движением, работой, и потому преобладают загадки повествовательные» [29. С. 18]. «Имея в виду предметы в их частном бытии, загадка вся направлена к тому, чтобы развернуть представление о предмете. Загадка вскрывает или происхождение предмета, или его функцию, или же дает всю его биографию, с начала и до конца его бытия» [Там же. С. 17]. Следует учитывать, что выбранный способ раскрытия образа загадываемого предмета, задающий смысловой план высказывания о нем, может быть реализован посредством метафорической или метонимической иносказательности, указания значимых признаков, сравнения, вопросной формы. Вариативное моделирование образа одного и того же фрагмента мира в разноязычных загадках обусловлено, на наш взгляд, фактором коммуникативной целесообразности, которая выступает внешней детерминантой по отношению к их форме и содержанию.

Обращаясь к понятиям картина мира и языковая картина мира, стоит отметить, что в рамках последней исследователи выделяют и фразеологическую кар-

тину, под которой понимают «представления человека о себе и окружающем его мире, фиксируемые фразеологическими средствами языка и рассматриваемые как явление национально-культурного наследия» [32. С. 51]. В нашей работе под фразеологизмами (или фразеологическими оборотами) понимаются не только традиционные идиомы, но и пословицы и поговорки, «для которых характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка; принцип полной или частичной идиоматичности; свойство устойчивости» [33. С. 56].

Общепринятым в науке является тезис о том, что «фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа» [34. С. 15]. Способность идиомы отражать и хранить материальную и духовную жизнь народа-носителя позволяет глубже изучить и осмыслить не только историю языка, но и выявить ритуалы, традиции, обычаи, положенные в основу ее наименования.

И в русском, и в телеутском языке можно найти фразеологизмы с одним и тем же опорным компонентом (ключевым словом) и общей семантикой. Так, в речевой практике носителей русского языка активно используются фразеологизмы с компонентом «ветер» и его производными, которые помогают описать легкомысленного, пустого человека или поведение без ясного, четко сформулированного плана, ср.: *бросать на ветер*; *бросать на ветер слова*; *ветер в голове* (*бродит [свистит / гуляет / ходит]*) *у кого*; *ветер свистит в карманах*; *говорить на ветер*; *ветреная голова*; *без руля и ветрил*; *ветряная мельница* [35. С. 62].

Для характеристики беззаботного и несерьезного человека телеуты могут использовать в своей речи фразеологизм *салкын киж* (ветренный человек): «В мифологии Ветер часто представлялся в образе проказливого, драчливого, иногда неистового божества. В некоторых мифах образ Ветра показывается в виде неукротимой лошади. Легкомысленных людей или лошадей часто называют рожденными от ветра» [36]. В телеутском языке существует фразеологизм *кижи салкындыйля*, у которого обнаруживается иное значение по сравнению с предыдущей устойчивой единицей: «Телеуты употребляют его в ситуации, когда о человеке нужно сказать, что он быстрый, как ветер. Ветер может находиться во многих местах одновременно, он может внезапно появиться или исчезнуть, при применении фразеологизма эта черта присваивается человеку» [36].

Как мы видим, фразеологизмы в телеутском языке, будучи типичными высказываниями, демонстрируют древние народные представления об устройстве мира, месте человека в нем, о его взаимоотношениях с божественными силами. Например, фразеологический оборот *түктү жүрек*, который «дословно переводится как сердце, обросшее шерстью, восходит к мифологическому культурному коду» [36]. В древнетюркском эпосе бытует легенда о шамане, «которого враги убивали три раза, но он всегда оживал, поэтому ему выкололи глаза и распорол живот. Враги увидели, что сердце шамана покрыто шерстью. Сейчас если о человеке говорят, что у него обросшее шерстью сердце, то ему выражают уважение, его называют очень смелым человеком» [36]. Для такого фразеологизма в русском языке найти эквивалент невозможно.

Получается, что вышеприведенные фразеологические высказывания, типичные для разных языков, обнаруживают общие принципы передачи культурного опыта и в то же время воссоздают уникальное содержание значимых коммуникативных ситуаций.

Заключение

Опыт сбора и классификации малых фольклорных жанров телеутского народа позволил провести сопоставительный анализ паремиологического фонда русского и телеутского языков, выявить общее и уникальное в функционировании выбранных для анализа единиц в языковой картине мира русских и телеутов. Рассмотренные нами языковые универсалии позволили обнаружить типичные для русского и телеутского языков способы изображения действительности, каждый из которых вскрывает коммуникативный ракурс их лексического наполнения.

«Учитывая, с одной стороны, динамичную природу языковой реальности и с другой стороны, происходящие в обществе процессы модернизации, следует предположить, что внутренняя форма языка может быть актуальной (живой), подвергаться забвению или стать утраченной. Благодаря живой внутренней форме язык, во-первых, используется как средство общения, познания, передачи культурного опыта, во-вторых, выступает способом самоидентификации народа. Именно присущая тому или иному языку внутренняя форма обеспечивает его жизнеспособность в условиях функционирования в семиотическом пространстве культуры и позволяет носителям языка сохранить свое этническое самосознание» [37. С. 241].

«Направленность языка на создание определенного образа, которую Г.П. Мельников называл детерминантной языка, зависит не от формальных структур языка, а от типичного информационного запроса участников коммуникации, и как раз она настраивает язык на закрепление некоторых формальных структур в качестве канонических» [38. С. 90], к которым, на наш взгляд, и относятся малые фольклорные жанры. Будучи коммуникативно ориентированными высказываниями, фольклорные тексты имплицитно аккумулируют в содержательном плане информацию о результатах познавательной и аксиологической деятельности носителей архаичного взгляда на мироустройство. Поэтому, как показывают результаты нашего исследования, именно во внутренней форме языков как типологически и культурно обусловленном способе отражения действительности таится их лексическое своеобразие.

Для формирования более четкого представления о лингвокультурных процессах, происходящих с телеутским языком, необходимы дальнейший сбор и обработка лексико-фразеологического материала, дополнение уже имеющихся словарных статей и приложений в электронном лингвострановедческом телеутско-русском словаре [39], а также изучение других малых фольклорных жанров — поговорок, частушек, скороговорок, колыбельных. Кроме того, целесообразным представляется проведение лингвистического эксперимента по восприятию паремий носителями русского и телеутского языков разных возрастных, профессиональных и социальных групп.

Библиографический список

1. *Araeva L.A., Denisova E.S., Katyshev P.A., Melnik N.V., Olenev S.V., Evseeva I.V.* Names of dishes and establishments of Japanese cuisine in Russian linguistic culture: structural and pragmatics // *Life Science Journal*. 2014. no 11 (11). P. 362—366.
2. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001.
3. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Общее языкознание. М.: Издательство «Юрайт», 2018.
4. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007.
5. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.
6. *Мельников Г.П.* Внутренняя форма русского языка — ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях [Электронный ресурс] // *Беседы в обществе любителей русской словесности*. ОРЛС, 1998. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov-vf.htm> (дата обращения: 15.07.2019).
7. *Abdullayeva F.E., Li S.I., Proskurina A.V.* Teleut Labor and Life // *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*. Ed. E.A. Railean. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 294—307. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
8. *Araeva L.A., Artemova T.V., Bulgakova O.A., Obratsova M.H., Kreydlin G.E.* Propositional frame-based description of fragments of teleuts linguistic worldview // *Review of European Studies*. 2015. no 7 (6). P. 295—301.
9. *Obratsova M.N., Denisova E.S., Kereksibesova U.V.* The Symbolism of Archaic Rites, Signs and Superstitions of Teleuts // *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*. Ed. E.A. Railean. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 277—293. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
10. *Olenev S.V., Araeva L.A., Bulgakova O.A.* Teleuts' Family and Kinship Ties: Socio-Demographic Background and Linguistic Analysis // *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*. Ed. E.A. Railean. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 308—323. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
11. *Языковая картина мира телеутов: монография / науч. ред. Л.А. Араева, отв. ред. А.В. Про-скурина.* Кемерово: КемГУ, 2018.
12. *Образцова М.Н., Крым И.А., Кузнецова В.С.* Создание открытых электронно-образова-тельных ресурсов по русскому языку для коренных малочисленных народов Сибири как результат межэтнического взаимодействия на территории одной страны // *Русин*. 2018. Т. 51. Вып. 1. С. 312—328. doi: 10.17223/18572685/51/20.
13. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин*. 2016. no 3(45). С. 119—129. doi: 10.17223/18572685/45/9.
14. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, 2016.
15. *Русское устное народное творчество: Хрестоматия.* Сост., вст. ст., коммент. В.П. Ани-кина. М.: Высшая школа, 2006.
16. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011.
17. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957.
18. *Кригер Г.Н.* Самосознание представителей телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики: монография. Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2012.
19. *Кимеев В.М.* Исторические судьбы телеутов: учебное пособие. Кемерово, 2017.
20. *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX века: историко-этнографи-ческое исследование. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.

21. *Завьялова Е.Е.* Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. М., 2013. по 2. С.187—193.
22. *Козина О.* Приметы и суеверия как категория наблюдения-анализа в традиционной русской культуре // Аналитика культурологии. 2009. по 2 (14). С. 262—264.
23. *Агапова Н.А., Банкова Т.Б., Угрюмова М.М.* Ключевое слово народной приметы: репрезентация константы культуры // Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: Томский государственный университет, 2017.
24. *Павлова Е.Г.* Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования / сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 294—299.
25. *Иванова Н.Н.* Примета-пословица как особая паремиологическая единица // В.И. Даль в парадигме современной науки: Язык — словесность — самосознание — культура: Всероссийская научная конференция, посвященная 200-летию юбилею В.И. Даля: в 2 ч. Ч. 1. Иваново: Иванов. гос. ун-т., 2001. С. 33—35.
26. Словарь народных примет в разноструктурных языках (русский, татарский, английский, немецкий). Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2014.
27. Русский народный месяцеслов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1990.
28. Телеутская земляца. Приложение к газете Беловского муниципального района «Сельские зори». по 56. 26 октября, 2018.
29. *Рыбникова М.А.* Загадки. Москва — Ленинград: Academia, 1932.
30. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Наука, 1966.
31. *Функ Д.А.* Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов // Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск VIII. Телеуты. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 5—140.
32. *Веренич Т.М.* Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 51—53.
33. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
34. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005.
35. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. М.: Русский язык, 1987.
36. *Якучакова О.* Идиомы телеутского языка как к экспликатор национальных архетипов [Электронный ресурс] // Молодежная научная конференция Томского государственного университета. 2009. Томск, 2010. Вып. 1: Проблемы гуманитарных наук. С. 185—188. Режим доступа: <http://programma.x-pdf.ru/16tehlicheskie/99784-2-materiali-xxviii-mezhduнародnoy-nauchnoy-studencheskoj-konferencii-student-nauchno-tehnicheskij-progress-10-14-aprelya-20.php> (дата обращения: 20.07.2019).
37. *Проскурина А.В.* К вопросу о внутренней форме телеутского языка // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / отв. и научный ред. проф. Б.Я. Шарифуллин [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. Вып. 7 (16). С. 240—248. Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/21605> (дата обращения: 10.07.2019).
38. *Валентинова О.И., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Забытые парадигмы языкознания: системология Г.П. Мельникова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. по 5. С. 85—91.
39. Лингвострановедческий телеутско-русский словарь мультимедийного типа / Авторы: науч. ред. Л.А. Араева, отв. ред. А.В. Проскурина, Ф.Э. Абдуллаева, О.А. Булгакова, Э.С. Денисова и др. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017—2019. Режим доступа: <http://ls-teleut.kemsu.ru> (дата обращения: 10.08.2019).

References

1. Araeva, L.A., Denisova, E.S., Katyshev, P.A., Melnik, N.V., Olenev, S.V. & Evseeva, I.V. (2014). Names of dishes and establishments of Japanese cuisine in Russian linguistic culture: structural and pragmatics, *Life Science Journal*, 11 (11), 362—366.
2. Humboldt, V. von. (2001). *Selected works on linguistics*. Moscow: OJSC IG Progress. (In Russ.).
3. Baudouin de Courtenay, I.A. (2018). *General linguistics*. Moscow: Yurayt Publishing House. (In Russ.).
4. Potebnya, A.A. (2007). *Thought and language*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
5. Mel'nikov, G.P. (2003). *System typology of languages. Principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Mel'nikov, G.P. (1998). The internal form of the Russian language is the key to understanding its features at all levels [Electronic resource] In *Conversations in the society of lovers of Russian literature*. ORLS. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov-vf.htm> (accessed: July 15, 2019). (In Russ.).
7. Abdullayeva, F.E., Li, S.I. & Proskurina, A.V. (2019). Teleut Labor and Life In *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*, E.A. Railean (Ed.). Hershey, PA: IGI Global. pp. 294—307. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
8. Araeva, L.A., Artemova, T.V., Bulgakova, O.A., Obraztsova, M.N. & Kreydlin, G.E. (2015). Propositional frame-based description of fragments of teleuts linguistic worldview, *Review of European Studies*, 7 (6), 295—301.
9. Obraztsova, M.N., Denisova, E.S. & Kereksibesova, U.V. (2019). The Symbolism of Archaic Rites, Signs and Superstitions of Teleuts In *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*, E.A. Railean (Ed.). Hershey, PA: IGI Global, 277—293. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
10. Olenev, S.V., Araeva, L.A. & Bulgakova, O.A. (2019). Teleuts' Family and Kinship Ties: Socio-Demographic Background and Linguistic Analysis In *Handbook of Research on Ecosystem-Based Theoretical Models of Learning and Communication*, E.A. Railean (Ed.). Hershey, PA: IGI Global, 308—323. doi: 10.4018/978-1-5225-7853-6.
11. Linguistic picture of the world of Teleuts (2018). Monograph, L.A. Araeva & A.V. Proskurina (Eds.). Kemerovo: KemSU. (In Russ.).
12. Obraztsova, M.N., Crimea, I.A. & Kuznetsova, V.S. (2018). Creating open electronic educational resources in the Russian language for the indigenous peoples of Siberia as a result of interethnic interaction in the territory of one country, *Rusin*, 51(1), 312—328. doi: 10.17223/18572685/51/20. (In Russ.).
13. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). The cognitive potential of Ruthenian paremias against the background of Russian and Ukrainian languages, *Rusin*, 3 (45), 119—129. doi: 10.17223/18572685/45/9. (In Russ.).
14. Khrolenko, A.T. (2016). *Fundamentals of linguoculturology*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
15. Russian oral folk art (2006), Anthology, V.P. Anikin (Ed.). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
16. Dal' V.I. (2011). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Bustard; Russian language. Media. (In Russ.).
17. Anikin, V.P. (1967). *Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
18. Krieger, G.N. (2012). *The self-consciousness of the representatives of the Teleut ethnic group: cultural and historical determinants and structurally meaningful characteristics: a monograph*. Kemerovo: State Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University. (In Russ.).

19. Kimeev, V.M. (2017). *The historical fate of the Teleuts: a textbook*. Kemerovo. (In Russ.).
20. Funk, D.A. (1993). *Bachat Teleuts in the XVIII — the first quarter of the XX century: historical and ethnographic research*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. (In Russ.).
21. Zavyalova, E.E. (2013). Signs as a folklore genre: the experience of systematization, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 187—193. (In Russ.).
22. Kozina, O. (2010). Signs and superstition as a category of observation-analysis in traditional Russian culture, *Analytics of Cultural Studies*, 2 (14), 262—264. (In Russ.).
23. Agapova, N.A., Bankova, T.B. & Ugryumova, M.M. (2017). Keyword of folk signs: representation of the constant of culture In *Constants of Russian folk culture: language incarnations*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russ.).
24. Pavlova, E.G. (1984). The experience of classification of folk signs In *Paremiological studies*, comp. G.L. Permyakov (Ed.). Moscow: Nauka. pp. 294—299. (In Russ.).
25. Ivanova, N.N. (2001). Sign-proverb as a special paremiological unit In V.I. *Far in the paradigm of modern science: Language — literature — self-awareness — culture: All-Russian scientific conference dedicated to the 200th anniversary of V.I. Dahl: at 2 pm Part 1*. Ivanovo: Ivanovo University publishing house. pp. 33—35. (In Russ.).
26. Dictionary of folk signs in different structural languages (Russian, Tatar, English, German) (2014). Kazan: Publishing House “Printing Service XXI Century”. (In Russ.).
27. Russian folk month (1990). Yaroslavl: Upper Volzh. Prince ed. (In Russ.).
28. Teleut zemlya (2018). Appendix to the newspaper of the Belovsky municipal district “Rural Dawns”. no 56. October 26. (In Russ.).
29. Rybnikova, M.A. (1932). *Riddles*. Moscow—Leningrad: Academia. (In Russ.).
30. Kvyatkovsky, A.P. (1966). *Poetic dictionary*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
31. Funk, D.A. (1992). Oral creativity, games and entertainment of the Bachat Teleuts In *Materials for the series “Peoples and Cultures”. Issue VIII. Teleuts*. Moscow: IEA RAS. pp. 5—140. (In Russ.).
32. Verenich, T.M. (2012). Features of a national character in the phraseological picture of the world (based on French and Russian languages) In *Philology and Linguistics in Modern Society: Materials of the Intern. scientific conf. (Moscow, May 2012)*. Moscow: Your printing partner. pp. 51—53. (In Russ.).
33. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. (In Russ.).
34. Mokienko, V.M. (2005). *Riddles of Russian phraseology*. Moscow: Alphabet-classic, Avalon. (In Russ.).
35. Phraseological dictionary of the Russian language (1987). L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov (Eds.). Moscow: Russian language. (In Russ.).
36. Yakuchakova, O. (2009). Idioms of the Teleut language as an explicator of national archetypes [Electronic resource], *Youth Scientific Conference of Tomsk State University*. Tomsk, 2010. Issue 1: Humanities issues. pp. 185—188. URL: <http://programma.x-pdf.ru/16tehlicheskie/99784-2-materiali-xlviix-mezhdunarodnoy-nauchnoy-studencheskoy-konferencii-student-nauchno-tehnicheskoy-progress-10-14-aprelya-20.php> (accessed: 20.07.2019). (In Russ.).
37. Proskurina, A.V. (2016). To the question of the internal form of the Teleut language, *Man and language in the communicative space: Sat. scientific Art. / holes and scientific ed. prof. B.Ya. Sharifullin*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 7 (16), 240—248. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/21605> (accessed: 07.10.2019). (In Russ.).
38. Valentinova, O.I., Preobrazhensky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). Forgotten Linguistics Paradigms: G.P. Systemology Melnikova, *Philological sciences. Scientific reports of higher education*, 5, 85—91. (In Russ.).
39. Lingvostranovedchesky Teleut-Russian dictionary of multimedia type (2019). L.A. Araeva, A.V. Proskurina, F.E. Abdullaeva, O.A. Bulgakova, E.S. Denisova et al. Kemerovo: Kemerovo State University, 2017—2019. URL: <http://ls-teleut.kemsu.ru> (accessed: 10.08.2019). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Денисова Эльвира Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»; ORSID: 0000-0003-4591-6576, eLibrary SPIN-код: 1531-5684; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, словообразование, психолингвистика, телеутский язык, культура речи, риторика; *e-mail*: elvdenisova@yandex.ru.

Проскурина Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»; ORSID: 0000-0003-0665-7049, eLibrary SPIN-код: 5917-4098; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, словообразование, русские народные говоры, телеутский язык, культура речи, русский язык как иностранный; *e-mail*: proskurina@yandex.ru.

Information about the authors:

Elvira S. Denisova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Style and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; ORSID: 0000-0003-4591-6576, eLibrary SPIN code: 1531-5684; *Research interests*: cognitive linguistics, linguoculturology, word formation, psycholinguistics, Teleut language, speech culture, rhetoric; *e-mail*: elvdenisova@yandex.ru.

Anastasia V. Proskurina, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Style and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; ORSID: 0000-0003-0665-7049, eLibrary SPIN code: 5917-4098; *Research interests*: cognitive linguistics, cultural linguistics, word formation, Russian dialects, Teleut language, culture of speech, Russian as a foreign language; *e-mail*: proskurina@yandex.ru.